

вого государства и свободы личности на практике себя не оправдали, а в ближайшей перспективе в России для их внедрения и эффективного функционирования предпосылок не сложится. И вообще: двигаясь вслед за Западом по одной с ним дороге демократического развития, России Запад в принципе не догнать и тем более не обогнать. Надо искать «суверенный» путь, хотя и в границах принципов и ценностей демократии.

Возможно предположить, что если бы общество и власть больше, как это было в советскую эпоху, ориентировались на идеологические императивы и меньше прислушивались к критическим замечаниям исследователей и публицистов, то, как это происходило в советскую эпоху, политическое развитие шло бы более плавно и стабильно. Проблема в том, что в период демократического транзита отечественные политическая наука и публицистика оказались в плане выполнения детерминирующей политической функции силой более влиятельной, чем они сами себе это сегодня могут представить. Это проблема ответственности научного и публицистического сообщества за тот вектор отношения к политике и участия в ней, который они задают обществу. Эта проблема нуждается в разработке, в точно таком же критическом исследовании, потому что не трудно спрогнозировать (политический процесс не остановить), что вслед за переживающей организационный и идейный кризис российской либеральной демократией точно такой же, не вполне сообразованной с пониманием последствий, критике подвергнется новая модель

организации социально-политической системы и массовое сознание опять будет вынуждено выбирать между тем, чем оно недоволено, и тем, смысл чего ему непонятен. Теоретически неорганизованная, неструктурированная по направлениям и проблемам, то, что называют «огульная» критика либеральной демократии, как нетрудно предположить, в недалеком будущем детерминирует и сохранение несистемности в политическом поведении и мышлении российского социума, которую мы опять будем списывать на особенности национального менталитета и т.д.

Примечания

- 1 Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. 2008. № 6. С. 112.
- 2 Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «русской власти»: от метафор – к концепции // Полис. 2007. № 2. С. 23.
- 3 См.: Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 3–16.
- 4 См.: Элита в России // Вестник аналитики. 2006. № 1. С. 52–83; Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. № 6. С. 33–40.
- 5 Горшков М.К. Указ. соч. С. 112.
- 6 См., напр.: Иванов В. Демократия – это вам не лобно кушать // PRO суверенную демократию. М., 2007. С. 63–72.

УДК 32:070:004:056

СУБЪЕКТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: vil57@yandex.ru

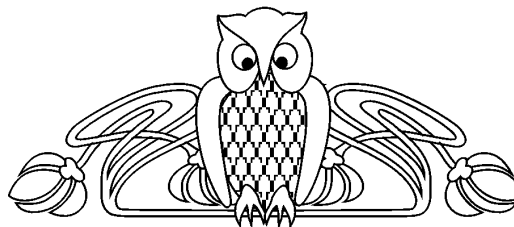
В статье рассмотрены изменения субъектных характеристик информационно-политического пространства региона в результате перехода на пропорциональную систему выборов депутатов Государственной думы и усиления функциональности политических партий.

Ключевые слова: СМИ, политическое пространство, информационно-коммуникационное пространство, субъектность информационно-коммуникационных отношений, партии как субъекты информационно-коммуникационных отношений.

Subjective Characteristics of Information and Political Space of a Region

A.V. Rossoshansky

The article considers the changes in subjective characteristics of information and political space of a region as the result of transition

to the proportional system of State Duma deputy election and the strengthening of political parties' functionality.

Key words: Mass-Media, political space, information and communication space, subjectivity of information and communication relationships, parties as subjects of information and communication relationships.

Одной из противоречивых и неоднозначно трактуемых теоретических проблем информационно-коммуникационных отношений является субъектность информационно-политического пространства общенационального и регионального уровня.

Чаще всего данная проблема рассматривается в контексте понимания субъект-объектных отношений в сфере политики в целом и является отражением специфики взаимодействия власти и общества. В этом случае понятие субъектности определяется в зависимости от различных тракто-

вок массовой коммуникации. Например, массовая коммуникация, понимаемая как «институционализированное производство и массовое распространение символических материалов посредством передачи и накопления информации»¹, приводит к акцентуализации институциональной субъектности информационно-коммуникационного пространства любого уровня.

Представители современных концепций демократии акцент делают на политической субъектности институтов гражданского общества и отдельных индивидов как полноправных участников формирования публичной «повестки дня» важнейших политических проблем, активно принимающих участие в обсуждении сильных и слабых сторон различных альтернатив их решения. СМИ в данном случае выступают как канал равноправных двусторонних взаимоотношений между органами власти, официальными субъектами политики и разнообразными неинституционализированными субъектами общественных отношений².

Однако само понятие неинституционализированной субъектности в рамках данного подхода также неоднозначно. Кроме позитивной трактовки, в контексте усиления институтов гражданского общества, широкое распространение имеет и понимание неформальной институционализации, как процесса вытеснения формальных институтов неформальными правилами³, который препятствует установлению верховенства права⁴. По мнению В.Я. Гельмана, «неформальная институционализация», скорее всего, окажется не временным «дефектом» (в смысле отклонения от «правильного» пути развития), а долгосрочной и принципиальной характеристикой российского политического режима⁵. В этом случае неформальные институты «землячества», «клановости», этнической принадлежности, корпоративности и т.д. могут рассматриваться и как действующие субъекты информационно-коммуникационного пространства, в котором они реализуют свои цели.

По мнению сторонников дискурсивного подхода, «антиредукционизм и антиэссенциализм», являющиеся отличительными чертами дискурса, «позволяют выйти за ограниченные пределы марксистской теории идеологии, жестко детерминированной экономическими структурами и классовыми отношениями. Однако если автономный и целостный субъект социального действия рассматривается современными теоретиками как идеологический суперструкт эпохи Просвещения, то идея деления общества на «властный блок» и противостоящие ему народные массы остается в полной неприкосновенности»⁶. На наш взгляд, разведение проблемы субъектности социально-политических и коммуникативных отношений может носить лишь условный характер в контексте взаимоотношений «политические элиты–массы». Внутри данных границ функционирует большое количество достаточно самостоятельных полити-

ческих субъектов, автономных в своем целеполагании и выборе форм и способов действия, в том числе и в информационно-коммуникационной сфере.

По мнению А.И. Соловьева, многообразные информационные потоки, постоянно циркулирующие в информационном пространстве, неизбежно начинают обретать некую упорядоченность и устойчивость по отношению к внешним факторам. Дальнейшее усиление устойчивости и сохранение целенаправленности возникающих коммуникаций ведет к появлению новых качеств полей, которые обеспечивают организованность потокам сообщений, закрепляют определенные способы информационных обменов между субъектами, регулируют объем потребляемой информации, задают скорость ее прохождения и т.д. Данные свойства информационного поля дают право определить его уже как информационно-коммуникационную систему⁷.

В этом случае субъектность информационно-коммуникационного пространства в значительной степени соотносится с общественно-политической субъектностью. Не случайно, что в период функционирования смешанной избирательной системы количественные характеристики и уровень конкурентности регионального информационно-коммуникационного пространства были намного выше. Это относится и к началу 2000-х гг., невзирая на то, что степень государственного воздействия на СМИ и контроля над ними уже значительно возросла. Объяснить данное обстоятельство можно тем, что наличие конкурентной борьбы в одномандатных округах объективно создавало плюралистическое пространство, в котором партийные и независимые кандидаты могли критиковать друг друга и представителей действующих органов власти. Тем самым даже ангажированные СМИ, в той или иной степени, выполняли функции институтов гражданского общества (например, предоставляя положенное по закону эфирное время, или газетные площадки для представителей оппозиции, или кандидатам с иной идеологической и мировоззренческой ориентацией). Формально СМИ как бы утрачивали свою политическую субъектность, становясь нейтральными посредниками для передачи информации конкурирующих друг с другом партийных и независимых политических акторов.

Кроме того, наличие кандидатов-одномандатников дополняло субъектность регионального информационно-коммуникационного пространства (и соответственно его конкурентность) деятельностью соответствующего количества штабов и команд агитаторов (волонтеров, добровольцев). Данный «живой» канал коммуникации при хорошей организации и контроле со стороны менеджеров зачастую становился определяющим, так как уровень доверия к СМИ в период избирательных кампаний неизбежно падал⁸. Особенно эффективным по сравнению с традиционными

СМИ было наличие обратной связи в ходе непосредственного общения агитаторов с избирателями, когда последние могли высказать свои жалобы, обращения, предложения по решению конкретных региональных проблем. Даже с учетом манипуляционного начала кампании «от двери к двери» помогали кандидатам конкретизировать свои программы за счет формулирования и агрегирования реальных общественных потребностей.

С переходом на пропорциональную систему выборов депутатов Государственной думы значительно возросла функциональность в информационно-коммуникационной сфере таких субъектов политики, как партии. Значительное повышение формальных требований к их регистрации (не менее 50 тыс. членов, наличие крупных региональных отделений более чем в половине субъектов Российской Федерации, обязательность регулярного участия в избирательных кампаниях) соответственно вызвало существенное уменьшение их численности и соответственно субъектов информационно-коммуникационного пространства.

Какие последствия можно отметить в результате данного преобразования? С одной стороны, очевидно, что конкурентное поле информационно-коммуникационного пространства также значительно сузилось. Даже в период избирательных кампаний региональные СМИ передают политическую информацию, предоставленную парламентскими партиями («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ⁹) и еще тремя-четырьмя зарегистрированными партиями.

Более того, выборы по смешанной системе в представительные органы субъектов Российской Федерации также проходят при доминирующей роли политических партий. Большинство кандидатов-одномандатников выступают как представители политических партий и в своих предвыборных платформах в обязательном порядке используют системообразующим элементом партийные программы, лишь дополняя их региональным материалом. Однозначно негативно оценивать такие изменения субъектности политического и соответствующего информационно-коммуникационного пространства, как это делает значительная часть либерально ориентированных политологов, на наш взгляд, не совсем верно. Уменьшение потенциала критики действительно очевидно. В то же время необходимо отметить уменьшение потенциальных возможностей «грязных» информационных технологий, которые ранее использовались практически повсеместно на выборах, прежде всего, по одномандатным округам. Партийные избирательные кампании гораздо в меньшей степени нуждаются в данных технологиях, так как партии зарабатывают политический капитал не столько за счет формирования позитивно воспринимаемых имиджей своих федеральных и региональных лидеров, сколько за

счет партийных брендов. Последние формируются намного медленнее и труднее, причем не только в период избирательных кампаний.

Для этого партии вынуждены усиливать свою функциональность, стремясь продемонстрировать себя как представителей и защитников интересов различных социальных групп, постоянно выступая с различными инициативами по решению разнообразных общественных проблем. Для этого используются партийный актив и рядовые члены партии (для «живой коммуникации» и налаживания канала обратной связи с обществом), партийные СМИ, а также возможности, которые предоставляются государственными и независимыми информационными каналами.

Таким образом, уменьшение количества субъектов политического и информационно-коммуникационного пространства усиливает предсказуемость политического процесса (и соответственно его стабильность), повышает роль идеологического фактора (соответственно уменьшает личностно-манипуляционную составляющую политического процесса), более четко структурирует социум по партийным трендам, уменьшает степень общественной конфликтности, позволяет создать основы для доминирования единой общегражданской идентичности на основе базовых фундаментальных ценностей.

Примечания

- 1 Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. М., 2004. С. 15.
- 2 См.: Мельвилль А. Демократические транзиты: теоретико-методологические и прикладные аспекты. М., 1999.
- 3 См.: Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1–2. С. 20.
- 4 См.: Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. 2003. № 4. С. 6.
- 5 Там же. С. 24.
- 6 Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации как идеологический инструмент // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2006. № 8. С. 85.
- 7 См.: Соловьев А.И. Политические коммуникации. М., 2004. С. 32.
- 8 Главной причиной являлось падение доверия к самому институту выборов и особенно к политической рекламе, в которой большинство граждан видели основу популизма и демагогии.
- 9 К реальной оппозиции многие исследователи относят лишь КПРФ, что само по себе снижает критический потенциал российской многопартийности в отношении действующих органов власти всех уровней. Лидеры «Другой России» отказывают в этом и КПРФ, считая только свое движение истинно оппозиционным (см.: Российская оппозиция: мифы и реальность // Новая газета. 2008. 3 апр. № 23).